

мед («Стихи о стихах»). Впрочем, наряду с бытовыми определениями стиха К. охотно использует и высокие.

В одном из поздних стих. поэта («Себе», 1971) мысль о том, что все уже сказано, «обо всем спрошено», «на все, что мог, тобой отвечено», опровергается прямо противоположной: надо продолжать работать, писать: «Просто тропкой иди, / Чужеземной, узкою / Что, быть может, впереди, / Все ж сольется с русской». В последних книгах К. тема поэта и поэзии сливается с темой смерти. Поэт говорит, что чем ближе к старости, тем яростнее становится жажда жизни. С этой точки зрения показательно стих. «Когда приходит день осенний...», где повторяются в целом ряде стихов слова «дожить бы до». Лирический герой хочет дожить до первого дрозда. С др. стороны, в смерти К. видит некое драматичное «щемящее освобождение», «испепеляющее чудо», приближение к непостижимой для земного существа тайне («Последних мук не утаить», «Чем дальше я живу...», «На определенной высоте»): «Мы стоим перед загадкой, / Что свершится с нами там...»). Находясь «в плену земли», человек, по К., не должен забывать о высшем предназначении (у поэта это звучит метафорой «Давайте строить корабли»), и тогда поэзия обеспечит если не бессмертие, то продление земного бытия («Мы сохраняем в памяти бывших»).

Худож. мир К. весь устремлен к классической поэзии. О своих поэтических пристрастиях он скажет в стих. с полемическим названием «Нет бедных рифм, докучливых, плохих...». «Строка,— утверждает здесь поэт,— требует, как берегов река, / Спокойного, совсем простого слова». Рифмы К. изящны, но строги. Он избегает явной игры аллитерациями, ассонансами, сдержанно пользуется составными рифмами, но мастерски владеет приблизительными и не боится рифм глагольных (не просите — пишете; узнавайте — не забывайте). Его любимый размер — ямб. Его он употребляет втрое чаще, чем хорей. Ориентация на напевность, лиризм, а не приближение к разговорной интонации обусловила минимальное использование трехсложных размеров. Не очень широко пользуется поэт и разноstopными размерами, характерными для нервного стиха XX в. Основными худож. средствами К., покоряющими сердца читателей, являются слово и интонация.

Идея гармонии, вера в мир и человека делают стихи К. актуальными для трагического XX столетия.

Соч.: Собрание стихов. Париж, 1982. Т. 1; Стихи. Избранное. Мюнхен, 1967; Певучая ноша. Мюнхен, 1969; Почерком поэта. Мюнхен, 1971; Теплый вечер. Мюнхен, 1975; Последнее. Мюнхен, 1977; [Стихи] // Строфы века: Антология русской поэзии. М., 1995.

Лит.: Казак В. О Дм. Кленовском // Наш современник. 1993. № 2; Ульянов Н. Д. Кленовский // Новый ж. 1960. № 59; Офросимов Ю. Рифмованные догадки: О поэзии Д. Кленовского // Новый ж. 1967. № 88; Витковский Е. В. Разрозненная тайна Дмитрия Кленовского // День поэзии. 1989. М., 1989; Ржевский Л. Последний акмеист: О творчестве Дмитрия Кленовского // К вершинам творческого слова: Литературоведческие статьи и отклики. Norwich, 1990. Агеносов В. В. Лит-ра Русско-го зарубежья. М., 1998.

В. В. Агеносов

КЛЕЩЕНКО Анатолий Дмитриевич [14.3. 1921, д. Поройки Мологского у. Ярославской губ.— 9.12.1974, с. Ключи Елизовского р-на Камчатской обл.; похоронен в пос. Комарово Ленинградской обл.] — поэт, прозаик.

Сын художника, в 1930-е вынужденного работать в ленинградских типографиях. Значительное влияние на К. имел его двоюродный брат Б. И. Коплан (1898–1941) — видный литературовед, крупнейший специалист по истории русской лит-ры XVIII в., поэт, ученый секретарь и ученый хранитель Пушкинского Дома, арестованный в 1929 по «академическому делу» и до конца 1933 находившийся в ссылке. В 1932 К. решил бежать в Америку, добрался до Молдавии, где почти год обучался в таборе цыганским премудростям. В 1933 К. был найден отцом и отвезен в Киев учиться живописи; с осени 1934 — в Ленинграде.

С 12-летнего возраста К. писал стихи, мечтал стать профессиональным поэтом; вершиной поэзии К. считал «Москву кабацкую» С. Есенина. Поэтическая увлеченность познакомила его в 1936 с А. Ахматовой, а также с Б. Корниловым, который ввел его в круг лит. богемы и познакомил юного поэта со всеми значными местами Ленинграда. В 1937 К. поступил на заочное отделение филол. ф-та ЛГУ; сотрудник отдела лит-ры и искусства газ. «Смена». Первая публикация в 1937. С 1938 К. входил в лит. группу «Смена» при СП (руководитель А. Гитович; среди участников — В. Шефнер, И. Михайлов, А. Чивилихин, С. Ботвинник, Н. Новоселов и др.). Программным для К. стало стих. «Вийон читает стихи» (Лит. современник. 1940. № 5–6. С. 133) — в дальнейшем на всех этапах своей жизни К. сопоставлял свою судьбу с участью Ф. Вийона.

А. Д. Клещенко

13 февр. 1941 по доносу Н. Новоселова К. вместе с тремя товарищами был арестован; не зная причин ареста, К. продолжал считать его своим другом и в дальнейшем слал ему из заключения письма. Реальной виной К. явилось написание антисталинских стихов, изъятых у него при обыске; его подельникам вменялось в вину недонесение — следователь же обвинил их в создании контрреволюционной молодежной фашистской организации, ориентированной на Германию и искавшей связь с «троцкистско-зиновьевским подпольем». 20 мая 1941 Трибунал Ленинградского военного округа судил К. по ст. 17 и 58–8 (подстрекательство к совершению террористического акта), 58–10 (антисоветская агитация и пропаганда) и 58–11 (организационная деятельность, направленная к совершению контрреволюционного преступления) УК РСФСР. «На суде К. открыто заявил о своем протесте сталинской эпохе, признал себя виновным в том, что был поэтом, требовал освободить ни в чем не повинных ребят, проходивших по его делу» (Юность. 1989. № 6. С. 62). К. был приговорен к 10 годам заключения и 5 годам поражения в правах; приговор был утвержден определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 27 июня 1941. В авг. 1941 К. был этапирован в Севураллаг, затем отбывал

заключение в Красноярском крае. «Дважды пытался бежать, один раз организовал побег целому лагерю» (Там же). После отбытия срока в 1951 был оставлен художником в клубе, затем поселился в отстоящей на 25 км заимке сторожить колхозное сено. Раз в месяц приходя отмечаться в комендатуру, пополнял припасы и приносил на продажу «ковры» с лебедями и томными красавицами.

Осенью 1956 К. вернулся в Ленинград. Родители К. и семья Б. И. Коплана погибли в первую блокадную зиму. До осени 1961 К. не имел жилья и с семьей жил на хуторах Ленинградской, Новгородской и Псковской обл. 20 авг. 1957 К. был реабилитирован «за недоказанность обвинения». Благодаря помощи А. И. Гитовича в свет вышли два стихотворных сб. К. «**Гуси летят на север**» (Л., 1957) и «**Добрая зависть**» (Л., 1958), а также подготовленный им вместе с Л. Н. Гумилевым сб. переводов с китайского «Тибетские народные песни» (Л., 1958). В 1958 К. был принят в СП. Невозможность зарабатывать на жизнь поэзией вынудила К. обратиться к дотоле неизвестной ему прозе, сразу же обратившей на себя доброжелательное внимание критики. «Он много и с удовольствием стал работать, с легкостью перенесся воображением в привычный для него мир тайги и небольших таежных поселков, где все за дальностью расстояния и времени стало полным поэзией, простым и понятным» (Распятие. С. 100). Рассказы К. охотно стали публиковаться как ленинградские (Звезда. 1958. № 4; 1959. № 2, 3, 9, 10; 1960. № 7; Нева. 1959. № 6), так и столичные (Новый мир. 1959. № 34) журналы; сб. «**Избушка под лиственницами**» (Л., 1959; переизд.: Л., 1961) сделал имя К. известным в лит. мире. В 1961 К. впервые обзавелся собственным жильем, получив квартиру в писательском доме.

Первая половина 1960-х — расцвет творчества К. Вслед за повестями «**Распутица кончается в апреле**» (Звезда. 1961. № 5) и «**Когда расходится туман**» (Звезда. 1962. № 7) К. пробует свои силы в приключенческой прозе для юношества («**Без выстрела**. Л., 1963); имя К. становится известным в широких читательских кругах; сб. прозы К. выдерживают несколько переизданий. Успех повестей К. во многом обусловлен их тематикой: на фоне благополучной совр. ему лит-ры, герои которой занимаются лишь нравственными исканиями да спорами о физике и лирике, советский читатель с изумлением узнавал о своих современниках-соотечественниках, которые трудятся в экстре-

мальных природных условиях, воскрешающих в памяти жизнь героев Джека Лондона. «В повестях К. действие происходит, как правило, в лесной глухомани, где каждый день жизни требует от людей немалых усилий физических и нравственных; ценность человеческой личности выявляется не в манерах и репутации, а в поступках; спрос с человека иной, чем в обжитых местностях с устоявшимся бытом» (Горышин Г.— С. 9).

В 1963 К. переехал в Комарово на литфондовскую дачу по соседству с А. Ахматовой. Летом уезжал в Заполярье рабочим геологоразведочных партий. К. осознавал свою внутреннюю несовместимость с лит. средой Ленинграда конца 1960-х. По мнению совр. критика, К. «портит игру преуспевающим либералам, делавшим вид, будто все меняется к лучшему, хотя в лучшем случае не менялось ничего или менялось к худшему — таково было шестидесятилетнее двоимыслие, пышный ренессанс которого именуется гласностью» (Микушевич В.— С. 139). Дружеские отношения связывали К., помимо А. Ахматовой, с О. Берггольц, А. Гитовичем, В. Шефнером, И. Михайловым, Г. Горышиным; в целом же жизнь писательского мира была от него далека. В авг. 1968 К. переехал в Петропавловск-Камчатский, где стал работать охотинспектором Елизовского р-на и завершил повесть «**Это случилось в тайге**» (Л., 1969). «Подолгу пропадал в тайге, где чувствовал себя полным хозяином. Осенью 1974 года он сильно простудился на промысле соболя. До ближнего поселка Ключи его напарник тащил больного К. несколько десятков километров по таежному бездорожью на волокуше. К. надрывно кашлял, очень ослаб. Но в больнице не оказалось нужного лекарства, а вертолет доставить его из Петропавловска-Камчатского не смог из-за разыгравшейся непогоды» (Распятые. С. 102). Ослабший после перенесенного на ногах в тайге воспаления легких К. скончался в сельской больнице. Похоронен близ глубокочтимой им А. Ахматовой. Посмертно были переизданы два сб. прозы К. и однотомник его стихов с предисл. В. Шефнера. Интерес к творчеству К. вновь появился на рубеже 1980–90-х, когда были опубликованы его антисталинские стих. и лагерная лирика. Подготовленный в 1990 корпус поэтических текстов К. «Вийон читает стихи» света не увидел. Неизданным остаются также и значительный по объему массив написанного им в камчатские годы (в т. ч. дневники). Несмотря на бесспорную значимость творчества К. в истории русской лит-ры, оно никогда не являлось объектом изучения.

Соч.: Распутица кончается в апреле: повесть. М.; Л., 1962; Когда расходится туман: повести и рассказы / предисл. Ю. Германа. М., 1963; Дело прекратить нельзя: повести и рассказы. М.; Л., 1964; Камень преткновения; Распутица кончается в апреле; Когда расходится туман. М.; Л., 1966; Сила слабости; Плечо пурги. Л., 1966; Это случилось в тайге: Избранные повести. Л., 1976; Ожидание: Стихотворения / предисл. В. Шефнера. Л., 1979; Долг: повести / сост. Б. Л. Клещенко; предисл. Г. Горышина. Л., 1984.

Лит.: Штейнман З. Два поэтических сборника // Ленинградская правда. 1959. № 164. 15 июля. С. 3; Штейнман З. Добрая зависть // Звезда. 1959. № 8. С. 217–218; Цурикова Г. Рассказы А. Клещенко // Сибирские огни. 1960. № 5. С. 187–189; Фридман С. Большой мир // Нева. 1960. № 12. С. 188–189; Роднянская И. Человек в тайге // Лит. газ. 1961. № 2. 3 янв. С. 3; Койранская Г. Распутица кончается в апреле // Новый мир. 1962. № 10. С. 277; Горышин Г. Помню Анатолия Клещенко // Аврора. 1971. № 11. С. 8–10; Лебедев Е. Старинный спор // Лит. обозрение. 1980. № 11. С. 59–62; Михайлов И. Стихи прозаика // Звезда. 1980. № 12. С. 62–63; Клещенко Б. Л. Стихи за колючей проволокой // Кодры. 1990. № 11. С. 64–67; Городницкий А. Поэт меняет лиру на кирку // Дружба народов. 1992. № 5/6. С. 148; Микушевич В. Над изумрудным морем облака // Новый мир. 1992. № 36. С. 139–143; Распятые: писатели — жертвы политических репрессий / сост. З. Дичаров, статья Н. Мартыненко, Л. Ильиной. Вып. 2: Могилы без крестов. СПб., 1994. С. 99–103; Самиздат Ленинграда, 1950–1980-е: Лит. энциклопедия / Долинин В. Э. и др. М., 2003. С. 211; Огрызко В. Лексикон. М., 2004. С. 234.

М. П. Лепехин

КЛИМОВ Григорий Петрович (с 1948; настоящее имя Игорь Борисович Калмыков) [26.9.1918, Новочеркасск] — прозаик.

Внук скончавшегося в 1916 казачьего генерала Н. Попова; сын известного ростовского врача-гинеколога Б. В. Калмыкова, в годы Первой мировой войны бывшего старшим врачом Донского полка. Оба брата отца были до революции военными юристами; один эмигрировал в Болгарию, другой, оставшийся в СССР, был репрессирован в 1926. «Так или иначе, но в моей крови гены и наследственность двух царских следователей» (здесь и далее особо не оговоренные цитаты принадлежат самому К.). Мать — казачка. По сведениям А. П. Щербатова, отец К. происходил не из казаков, а из немецких колонистов (Щербатов А. П. — С. 340). В 1921–26 семья К., спасаясь от голода, жила в Миллерово, где юный К. работал пастухом. В 1926 семья К. вернулась в Новочеркасск, где К. прожил до 1941; мн. бытовые детали нашли отражение в романах К. После окон-